

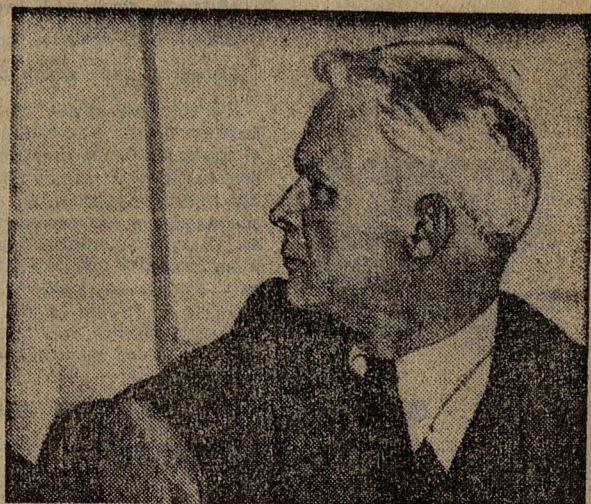
12.09.1984

12 СЕН 1984

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАЗЕТА

К 90-летию со дня рождения Александра ДОВЖЕНКО ОТ СОСНИЦЫ— ДО ПЛАНЕТЫ

Олесь ГОНЧАР

ШИРОКОМУ кругу зрителей и читателей Александр Довженко известен своими триумфами: порой даже может сложиться впечатление, что творческие победы давались ему легко и просто. А между тем достаточно обратиться к свидетельству самого же художника, в частности, к его автобиографии, чтобы увидеть, каким сложным был путь становления Мастера, какой ценой давалось ему восхождение на мировые вершины искусства. Если бы создавался развернутый фильм о самом Довженко, начиная с юных лет и до той поры, когда мы услышали от него, что уже «вечерет мой день», то это был бы фильм о жизни мужественной и многогранной, глубоко поучительной в своей силе любви к Отчизне, в сыновней преданности своему народу.

Еще юношей отчалил Довженко от сосницкого берега, но никогда отчужденности не исчезала из его оей, на протяжении всей жизни травы родного края, сказочной красоты сенокосы на Днепре овеяли художника своим благоуханием. Для Довженко, как и для многих мастеров, эмоциональные впечатления детства несли в себе силу непреходящую, они были неистощимы в своей способности питать и воодушевлять, каждый раз выступали возбуждителями творческой энергии. И едва ли не лучшим свидетельством этого является «Зачарованная Десна», написанная Александром Довженко уже на склоне лет, когда опыт художника и его философские раздумья о жизни достигли самых далеких горизонтов.

Жизнь Довженко была как бы сплошным испытанием на прочность, на верность тому заветному, что составляло его духовную сущность. Свой жизненный путь и творческую эволюцию Довженко прослеживает в «Автобиографии» достаточно сурово. В детстве видит себя «очень ментальным мальчиком», склонным к созерцательности.

«Войну империалистическую, — пишет он, — воспринял, как обыватель, некритично, и первых раненых, заваливших город Житомир, оглушал возгласами «ура» и забрасывал цветами разом со своими учениками и коллегами». В тоне исповедального расскажет Довженко и о том малоизвестном факте, как во время наступления белополяков, работая в подполье, был он взят в плен конным разъездом. «Разъезд обошелся со мной очень грубо, — читаем у Довженко. — С целью вынудить меня рассказать о расположении наших частей, он подверг меня условному... расстрелу». Чудом удалось ему тогда спастись, потом он был в Киеве на ответственной советской работе, стал комиссаром Театра имени Тараса Шевченко. Будет потом дипломатическая работа за рубежом, напряженное ожидание своих путей в искусстве, придется познать горечь разочарований, наконец будет «Звенигора», картина, которую Довженко, по собственному признанию, «не сделал, а пропел, как птица»; в 1929 году появится на экранах могучий «Арсенал», а в следующем году «Земля», хотя даже и этот шедевр не избежит двухподвального, в духе тех лет, фельетонного наскока, после чего, как пишет автор, «я буквально поседел и постарел за несколько дней...»

Стало быть, путь Довженко не был усыпан цветами; но тем более значительной в глазах потомков вырисовывается фигура человека, который шел к осуществлению своих замыслов с высоко поднятой головой, дорожил честью художника, дресу дорог предостерегал с достоинством преодоления. Только высокий разум и светлая душа могли извлечь для себя из всего пережитого своеобразный урок: «Я был много хвален и порицаем за свои работы и пришел к выводу, что мерою движения в творческой жизни должно быть добро, а не зло».

Призыв Довженко работать на позитивных импульсах был популярен среди творческой интеллигенции, в частности среди его младших коллег. Доводилось не раз в братских республиках встречать учеников Довженко, тех, кому выпало счастье бывать на его лекциях в Москве, кому он дарил часы своих великолепных

импровизаций... И каждый раз как завет творца вспоминались советы Александра Петровича жить дружнее в творческом коллективе, заботиться об атмосфере доброжелательности, товарищества — ведь это как раз и обеспечит те самые позитивные импульсы, с которыми в искусстве значительно легче и продуктивнее работать. Александра Довженко знали как человека бурного нрава, он имел воистину раскованное воображение, объединяющее современное с вечным. Однако в творческом процессе — и это тоже было поучительным — он умел дисциплинировать себя, ему присущи были безжалостная требовательность, острое чувство меры и вкуса, что является, впрочем, свидетельством высокой эстетической культуры.

Даже в художнической среде Довженко воспринимался как художник умиротворенный, он как бы нес на себе печать мыслителя. Фильмы его покоряли зрителя силой народности, буйством художественных образов, глубиной мысли и чувства. В каждом кадре потрясает дерзость новатора. Но каким бы неудержимым ни было поэтическое воображение художника, всюду в его произведениях ощущалась реальная основа. Люди самые родные сохраняли для него силу образа. Образ матери заслонит собою все прочее. «Дед в фильме «Земля», — объясняет Довженко, — это мой покойный добрейший дед Семен Тарасович, бывший чумак, частный и незлобивый...» Именно от него и возмущало начало образы знаменитых доженковских дедов, которые пойдут по экранам планеты как воплощение мудрости народа, как носители и хранители его вековых обычаев, моральных и эстетических ценностей, как коллективный портрет народа.

От наблюдений отдельных, конкретных художник шел к большому, обогащенному воображением поэтически-философским обобщением. Для углубления образа произведения он охотно пользовался средствами художественной символики. Чувствуется, что Довженко совершенно сознательно ставил перед собой задачу создать целостный в своем монументальном величии образ народа. Именно этим, надо думать, объясняется намерение Александра Петровича экранизировать «Тараса Бульбу», произведение, где гений Гоголя достиг глубин народоведения. Благородному стремлению увековечить свой народ на экране и в слове была подчинена вся поэтика Довженко, в которой наряду с красками современными так много значил фольклорный элемент, украинский эпос, дума и песня народная да еще неповторимый в своей национальной красочности юмор, меткий и острый, который тоже помогал отобразить самые примечательные черты народного характера.

Знаменательно, что в доженковских фильмах и в литературных произведениях народ предстает на решающих поворотах его истории, предстает в движении, в свершениях, в героике и правдолюбстве, где, пожалуй, полнее всего проявляется себя народный характер. Революция, годы социалистических преобразований, Великая Отечественная с ее трагизмом и всенародным подвигом — это главные сферы творческих устремлений художника, это те миры, в которых действуют и из которых вырастают доженковские герои. Жить — для них означает бороться, доискиваться смысла бытия, с надеждой смотреть в будущее.

Иногда Александра Довженко упрекали, что в его произведениях слишком много патетики, что стиль его чересчур уж приподнятый. Когда речь шла о народе, о человеке, Довженко действительно становился патетическим, даже восторженным. Однако те, кто упрекал его в склонности к «высоким словам», не желали замечать одного, что за доженковским высоким словом стояли и чувства высокие, что его приподнятым стилем открыто говорила сама искренность души, гордость художника за свой народ.

В годы Великой Отечественной войны Довженково слово обрело воистину эпическое звучание. Участники антифаши-

стского митинга представителей украинского народа, который состоялся 30 августа 1942 года в Саратове, свидетельствуют, с какой патриотической страстностью прозвучало там обращение Довженко, адресованное всему народу: «Стою на митинге среди братьев, и великая боль и гнев сжигают мою душу. Стою лицом на запад, к моей плененной матери — Украине».

Стою печальный в тревога, перед моим духовным взором расстилается вся, словно в огне, Украина».

Из глубины души, из пламенного чувства советского патриотизма рождались известные доженковские новеллы и статьи военного лихолетья. По зову чувства святого сыновнего долга отдавался художник созданию боевой кинодокументалистики об освобождении родной земли, о победах и страданиях народа. Окопный люд не раз видел рядом его седины, и в условиях тяжелых фронтowych вновь раскрывался творческим воодушевлением все тот же страстный, темпераментный, пламенный Довженко, каким его знала страна, автор «Щорса», «Аэрограда» и всемирно известной «Земли», которая вскоре будет признана одним из двенадцати наилучших фильмов всех времен и народов.

Напряженной работой отмечены у Довженко годы послевоенные. Физическое здоровье подорвано, но дух не теряет своей мятежной силы, проявляя себя то в пьесе «Потомки запорожцев», то в «Поэме о море», то в щемящих страницах «Зачарованной Десны», книги любви, печали и прощания... Откликаясь на зов жизни, появляется Довженко вместе со своим другом Юлией Ипполитовной Солнцовой, в степях, шагает под палашом каховским солнцем, он свой среди людей труда, к нему тянется молодежь, которую он желал бы видеть во всем прекрасной, потому что порой хотелось ему предостеречь молодого человека от обмеления, очерствения души, от потребительства и других искушений, напомнить о высоте человеческого призвания.

Александр Довженко был из когорты художников, чье творчество освещалось ленинскими идеалами, чье вдохновение целиком было отдано народу. Среди голосов, которые еще в 20-е годы обращались к миру от искусства Советской Украины, голос Довженко был одним из самых слышимых. Наряду с поэзией Тычины, музыкой Леонтовича, романами Яновского, песнями Кулиша, живописными работами Петриченко и графиней Касияна фильмы Довженко шли к народам как посланцы нового, социалистического мира, на разных широтах пробуждали симпатии и Стране Советов.

Удивительно многогранным был Довженко в своем беспокойном творчестве. И в своих фильмах, и в литературных, разных по жанрам произведениях, в частности, в своих блестящих, исполненных философской мысли дневниках, Довженко предстает перед нами богатейшей творческой индивидуальностью, одним из самых могучих художников современности. Взгляд его то и дело обращался в будущее, где он видел человека более близким к счастью, мудрым во взаимоотношениях, более заботливым к природе; там — в условиях вечного мира — человечество рисовалось ему на высшей ступени развития, в свои звездные благословенные часы.

Художник-гуманист, активный участник движения за мир, дружбу и взаимопонимание между народами, Александр Довженко имел полное право сказать о себе: «Я принадлежу человечеству».

К творческой работе сосницкого чародея на протяжении многих лет было приковано внимание мировой художественной общественности. На его фильмах откликались Берлин и Париж, Прага и Рим, Токио и Нью-Йорк... Александра Довженко называли поэтом экрана, специалисты в разных странах исследуют художественную структуру его фильмов, изучают их образность, ритмику, стремясь разгадать тайну этого чуда искусства, объяснить потрясающую силу и выразительность кадров, ставших ныне классическими.

Великие художники идут к человечеству как полпреды своих народов, как выразители их дум и устремлений. Через личность художника эпоха проявляет свои страсти, уровень духовности, устами художника народ выражает миру себя, свое самое заветное. Именно с такой миссией входит в сферу мировой культуры Александр Довженко, именно так воспринимается на всех континентах его высокочеловечно, гуманистическое творчество.